

УДК 82/821.0

DOI: 10.31029/vestiyali28/12

**МЕМУАРНЫЕ ЖАНРЫ В ДАГЕСТАНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ
КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА
(На материале воспоминаний М. Кушиева)**

З. Р. Исмаилова,

*Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы
Дагестанского ФИЦ РАН*

Статья посвящена запискам М. Г. Кушиева (1877–1942), дагестанского златокузнеца-оружейника, в которых он поведал о своей своеобразной и богатой впечатлениями жизни. Мемуары Магомеда Кушиева – это также рассказ о жизни тысяч дагестанских отходников-мастеров различных профессий и ремесел, регулярно уезжавших из своих сел на заработки. Записки М. Г. Кушиева имеют очевидные фольклорные корни как по сюжету, так и по форме. Помимо этого прослеживается сходство с европейским авантурным романом. Но основная ценность мемуаров Кушиева в том, что мы можем увидеть мир конца XIX – начала XX века глазами дагестанца этого времени.

Ключевые слова: мемуары, воспоминания, ювелирное искусство, мастер-оружейник, отходничество, фольклорные мотивы, путевые записки, биография, стиль.

The article deals with the notes of the Dagestan goldsmith-gunsmith M. G. Kushiev (1877–1942), in which he told about its unique and rich experiences of life. Memoirs of Magomed Kushiev is also a story about the life of thousands of Dagestan retirees – masters of various professions and crafts, who regularly left their villages to work. Notes of M. Kushiev have obvious folk roots, as in the story, and the form. In addition, there is a similarity with the European adventure novel. But the main value of the memoirs of Kushiev that we can see the world of the late XIX – early XX centuries through the eyes of the Dagestan man of this period.

Key words: memoirs, jewelry art, jeweler-gunsmith, seasonal work, folklore motives, travel notes, biography, style.

В дагестанской литературе XIX века произведения мемуарных жанров занимают, бесспорно, важное место. Мемуары заключают в себе и неповторимый личностный жизненный опыт, и сведения (часто уникальные) об исторических событиях эпохи, обладая при этом художественными достоинствами.

Дагестанская мемуарно-биографическая литература отразила сложные и болезненные изменения, происшедшие в дагестанском обществе в XIX веке – итоги прошедшей войны, реформы в образовательной системе, усиление отходничества.

Этой проблеме – отходничеству и посвящены мемуары Магомеда Кушиева.

Магомед Гусейнович Кушиев – представитель дагестанских златокузнецов-оружейников и автор «Воспоминаний о пережитом», как следует из его мемуаров, был уроженцем села Кумух и родился, как пишет он в своих воспоминаниях, в 1877 году, во время русско-турецкой войны 1877–1878 годов. М. Кушиев не сразу нашел свое призвание, ему пришлось преодолеть немало препятствий и преград на избранном им пути. Родители, как отмечал сам автор воспоминаний, пытались дать ему основательное духовное образование, но сам он с раннего детства стремился освоить ремесло златокузнеца, избегая изучения духовной литературы. В результате отец устроил его в обучение к златокузнецам в село Кубачи, а потом брал его с собой на заработки в Закавказье, Грузию, где он также работал подмастерьем у златокузнецов.

Описывая период своего обучения, М. Кушиев вспоминает также забавные эпизоды, происходившие с ним в этот период. Эти страницы характеризуют его как человека, увлеченного своим делом, но в то же время способного на веселые, а порой и довольно рискованные шутки и розыгрыши. Впрочем, это можно было бы объяснить и его возрастом, ему еще не было и 18 лет.

В поисках заработка Кушиев изъездил Грузию, Осетию, Армению, искренне восхищаясь природой и старинной архитектурой городов, в которых он жил и работал. Будучи, уже в Грузии он начинает планировать поездку в Иран (Персию), Германию, надеясь завязать там полезные связи и найти возможность представиться тамошним монархам.

М. Кушиев постепенно мастерски овладел своим ремеслом и стал одним из лучших в своей профессии. Он уже стал выезжать со своими изделиями в Грузию, Петербург, а затем и за границу, в своих поездках стремился к установлению полезных деловых связей для лучшей реализации своих изделий. Не все его поездки в деловом отношении были удачными, слишком велики были его накладные расходы – траты на материал для работы – драгоценные металлы, инструменты и прочее, не говоря уже о дорожных расходах. Но все это не мешало ему знакомиться с новыми местами, достопримечательностями тех городов, которые он посещал.

Умер М. Кушиев в 1942 году в Турции, куда он уехал в 1920-х годах, во время гражданской войны. Возможно, эта дата не совсем бесспорна и будет в дальнейшем еще уточнена позднейшими исследованиями. О его жизни в Турции и деятельности там практически ничего не известно.

«Воспоминания о пережитом» занимают особое место в дагестанской мемуарной литературе. Их ценность, прежде всего, в том, что они в живой, непосредственной манере рисуют жизнь тех дагестанцев, которые, как правило, крайне редко обращались к мемуарному жанру. Понятно, что М. Кушиев путешествовал не как турист, не просто ради новых впечатлений, а ради заработка, чтобы содержать свою семью, как тысячи дагестанцев в то время, так как на родине они заработать на жизнь своим семьям не могли. Этот образ жизни – отходничество – был обусловлен, прежде всего, экономическими и общественно-политическими, а также климатическими, даже если угодно, географическими условиями Дагестана конца XIX – начала XX века. Таким образом, бедность и отсутствие заработка на родине, к тому же недостаток пахотных земель, природные особенности Дагестана, когда за один день люди теряли весь урожай, ради которого трудились весь год, вынуждали многих дагестанцев искать работу вдали от родины. Недаром Дагестан, несмотря на всю красоту его природы, находится в так называемой зоне рискованного земледелия. Все эти факторы и породили такое явление в Дагестане конца XIX – начала XX века, как отходничество. Впрочем, были массовые исходы людей и по иным причинам – в XIX веке длительная война, опустошившая экономические и физические ресурсы народов Кавказа, а также религиозный фактор, ведь многие решались на отъезд с родных мест из религиозных соображений, в этом случае они уже назывались мухаджирами.

Но отходничество было особым явлением в истории Дагестана, ведь отходники уезжали, как правило, не навсегда, а на определенное время и обычно возвращались регулярно в родные места.

Это их образ жизни, их менталитет и изобразил Магомед Кушиев, когда описал свою жизнь в книге «Воспоминания о пережитом».

Именно обращенность к отходничеству, к носителям этого образа жизни отличает воспоминания М. Кушиева, если же сравнивать эти воспоминания с сочинениями других дагестанских мемуаристов, то можно отметить также, что его сочинение отличается от них не только в содержательном плане, но и в жанрово-стилистическом отношении. В отличие от Абдуллы Омарова, Хаджи-Мурата Амирова, Абдурахмана Газикумухского, Мухаммеда Тахира аль-Карахи, Алиханова-Аварского, Гасана Алкадари и многих других авторов, М. Кушиев

не получил ни серьезного духовного образования, ни основательного светского образования. Поэтому он мало касался этой сферы в отличие от упомянутых выше авторов [См.: 7, с. 108].

О проблемах религиозного образования немало упоминаний в «Воспоминаниях муталима» Абдуллы Омарова, а также в книге «В горах Дагестана» Алиханова-Аварского, о скудности и недостаточности светского образования в Дагестане можно найти в вышеупомянутом сочинении у того же Алиханова-Аварского [См.: 7, с. 207–227].

М. Кушиев мало, как мы уже отметили, затрагивает в своих воспоминаниях сферу образования в Дагестане, лишь вкратце рассказав о своем личном неудачном опыте. В это время он уже постоянно ездил на заработки в Осетию, Грузию, Армению, а затем и в Россию. Пишет он и о своих зарубежных поездках – в Европу и Турцию. Эти страницы его воспоминаний отчасти напоминают страницы европейского плутовского авантюрного романа, где героя постоянно подстерегали приключения и опасности. Как писал сам автор, характер у него был любознательный и непоседливый, он стремился не просто заработать, но и многое увидеть и понять в тех странах, куда он приезжал в поисках реализации своих изданий.

Кстати, отходничество в достаточной степени было развито и в Европе – так строители из Черногории трудились в разных уголках мира, возводя самые известные строения. Они также уезжали надолго из дома, проводя вместе с семьями лишь месяц в году, а остальное время скитаясь по миру в поисках заработка. Именно о них написал английский поэт Альфред Теннисон, посвятивший черногорцам свои замечательные стихи [8, с. 74].

Пусть время и судьба
Нас подточили, но закал все тот же,
И тот же в сердце мужественный пыл –
Держать, искать, найти и не сдаваться.

(Пер. Г. Кружкова)

Представляется, что эти строки могли быть обращены и к нашим дагестанским отходникам, строителям и оружейникам, земледельцам и часовщикам, а также представителям множества иных ремесел. Очевидно, условия жизни и в Черногории, также горной стране, близкой по географическим, климатическим условиям к Дагестану, не говоря уже о таких сходных реалиях, как бедность и отсутствие работы, все это вместе, повторяем, порождало и сходные менталитеты наших народов и схожий образ жизни.

На наш взгляд, художественная ценность воспоминаний М. Кушиева состоит также и в том, что в них мы можем увидеть Европу, тогдашнюю Османскую империю, не говоря уже о России и Дагестане. Этот взгляд ценен именно своей непредвзятостью и безыскусственностью, автор не отягощен привычными клише и штампами, поэтому мы словно оцениваем привычные нам явления с новой, иной стороны. Что-то подобное применил в своем романе «Хаджи-Мурат» Л. Н. Толстой, когда показал в романе светское общество его времени глазами горца, абрека Хаджи-Мурата [9, с. 217–218]. Конечно, это удалось Толстому благодаря его огромной работе, тщательной изученности им характера, менталитета горцев. Ведь Толстой читал и «Воспоминания муталима» А. Омарова и другие произведения дагестанских авторов. Все это позволило создать ему образ необычайной художественной силы и правды. Вместе с тем и Кушиев, как ни странно, несмотря на пробелы в его образовании, плохое знание языков, опять же смог, тем не менее, создать образ ушедшего мира в необычном ракурсе. Да и портрет самого Кушиева, натуры очень цельной и незаурядной, удался автору. Возможно, не очень корректно сравнивать этих авторов и их произведения, они, разумеется, слишком разные по значимости и глубине, таланту. Тем не менее, и сам Толстой нередко восхищался авторами, намного уступавшими ему по таланту и глубине, так как его восхищало их мастерство, стиль, умение построить диалог.

Отметим также, что Кушиев, будучи человеком одаренным и любознательным, всегда находил время на знакомство с достопримечательностями тех городов, которые он посещал,

помечая также особенности их архитектуры, стиля. Больше всего он восхищался красотой Стамбула, где великолепие природы и старинная архитектура храмов и дворцов создала неповторимый облик города. Но и в Европе его тоже покоряет пышный блеск ее городов, особенно Вены, тогда еще столицы Австро-Венгерской империи.

В Берлине М. Кушиева, помимо архитектурного облика города, удивила и восхитила разумная упорядоченность жизни, начиная от транспортной системы и завершая музеями и самой системой жизнеустройства. Уже тогда в Германии было бесплатное среднее образование, это также приятно поразило его.

Характерно, что художественная сторона натуры М. Кушиева выражалась, помимо его профессии, прежде всего в его интересе к архитектуре тех стран, которые он посещал, а также предметах прикладного искусства. Нигде он не вспоминает об изобразительных музеях или галереях, где выставляли живописные полотна. Еще во время пребывания в Грузии он пишет лишь о красоте старинной архитектуры грузинских городов, но не о грузинской живописи, хотя в то время в Грузии было немало замечательных живописцев. Думается, все дело в запретах на изображение людей и животных, внушенных Кушиеву с детства, поэтому его художественные наклонности получили определенное направление – в области златокузнечного, оружейного искусства. Даже Гамид Рустамов, известный театральный режиссер Дагестана [6, с. 22] и живописец Халилбек Мусаясул [5, с. 48] писали в своих воспоминаниях, с каким трудом им удалось преодолеть в себе эти заложенные с детства запреты на лицедейство и изобразительное искусство. Магомед Кушиев же жил еще раньше их, в более суровую эпоху, когда религиозные запреты были еще более незыблемы и непоколебимы для большинства его современников. Впрочем, и в своей области Кушиев смог достичь высокого мастерства.

Очевидно также по запискам М. Кушиева его несомненное тяготение к технике, различным сторонам именно технической культуры – разнообразным видам транспорта, электротехнике и т. д. Так, примечательно, что еще в самом начале своих записок он упоминает один за другим два факта, показавшихся ему, видимо, равнозначными: он сообщает, что в 1889 году в Кумух провели телеграф и следом упоминает, что в следующем 1890 г. в Кумухе вспыхнула эпидемия холеры, унесшая сотни жизней. Фиксация первого из этих фактов, опять же, говорит о тяготении Кушиева к различным техническим изобретениям, даже позже за границей он интересовался железнодорожным и городским транспортом, электростанциями, уличным освещением. Сам Кушиев любил ездить на велосипеде, очень популярном в то время, даже Л. Н. Толстой в то время очень увлекался ездой на велосипеде. В то же время, описывая с большим интересом образовательную систему Германии, Кушиев подчеркивает тот факт, что родители обязаны были своевременно отдавать детей в школы (с 7 лет), если же родители оформляли детей в школу позже, то уже сами платили за обучение детей. То есть тех, кто нарушал правила как бы наказывали отменой бесплатного обучения.

Так же позитивно, если не более, воспринимает Кушиев экономическую систему Германии, ее формы государственного управления, в частности, политику всеобщего трудоустройства. В Германии все, подчеркивает автор, даже инвалиды, трудоустроены. По воспоминаниям Кушиева, труд – это не столько право, сколько обязанность немецкого гражданина. Видимо, обязательный труд компенсировал государству расходы на бесплатное образование. Кстати, хотелось бы заметить, что согласно давней традиции, даже принцы королевской крови в Германии обучались военному делу и становились затем профессиональными военными. Таким образом, культура обязательного труда культивировалась в Германии начиная с королевской семьи.

Особый интерес у Кушиева вызывает также транспортная система Германии – как железнодорожный, так и городской транспорт поражает его своей слаженностью и порядком. В Германии конца XIX века городским транспортом служили трамваи и конки, был также гужевой транспорт, перевозивший грузы, работавший по принципу нынешних такси, по таксофону: «Все они снабжены приборами, которые отсчитывают пройденные расстояния, стоимость проезда. Какой бы ни был пассажир несведущий, его не смогут обмануть, т. к.

каждый километр приборами оценивается строго по тарифу. Я проверил сказанное переводчиком: сел в фаэтон и поехал. Там, действительно, на видном месте был похожий на часы прибор, который показывал не только пройденные километры, но и сколько причитается с пассажира». (М. Кушиев «Воспоминания о пережитом» [3, с. 21]). Оба вида транспорта Кушиеву, видимо, показали образцами в своем роде.

Конечно, не все путешественники так мажорно воспринимали Германию конца XIX века. Так, например, иначе, чем Кушиев, воспринял Германию английский писатель Джером К. Джером в своем во многом автобиографическом романе «Трое на велосипеде». В этом замечательном произведении Джером с юмором описывает систему управления в Германии, ее образовательные учреждения, театры, транспорт и другие стороны жизни. Хотя юмору Джерома не присуща особая острота и сатиричность, да и сам тон романа в целом очень светлый и доброжелательный, все же в его произведении чувствуются тревожные нотки. Особенно это ощущается, когда Джером пишет о системе управления в Германии, приучившей людей привычке бездумно, машинально выполнять приказы вышестоящего начальства, вообще людей в форме. Все это хорошо, замечает Джером, если система управления разумна, что и было тогда в Германии, но эта привычка в людях, отмечал английский писатель, могла привести к печальным последствиям, если бы испортилась машина управления: «Немец понимает долг как слепое подчинение каждому, кто носит форменный мундир... До сих пор судьба благоприятствовала немцу – им исключительно хорошо управляли; если и дальше так пойдет, то менять свои воззрения ему не придется. Все беды начнутся, когда по каким-то причинам откажет машина управления» [2, с. 403–404].

В этих строках Джерома, мы, уже узнавшие многое об ужасных социальных катаклизмах XX века, можем видеть предостережение Германии и ее народу, ставшими жертвами последующего сбоя своей системы управления, когда к власти в Германии в 1933 году пришел Гитлер.

Кстати, предостережение Джерома можно было бы отнести не только к Германии, но и к целому ряду стран, где к власти пришли тоталитарные режимы как левого, так и правого толка. Об этом Джером, кстати, также написал в своем рассказе «Новая утопия». Это небольшое произведение замечательно, между прочим, и тем, что это первое сочинение в жанре антиутопии, появившееся в мировой литературе, опередив Оруэлла, Хаксли, Замятина и других. В этом рассказе также звучит грозное предостережение бездумному выбору и бездумному подчинению, могущих привести к установлению тоталитарных систем.

Джером Джером отнюдь не утверждает, что в Англии все разумно и хорошо. Он сам критикует английскую систему образования, с похвалой описывая, кстати, систему обучения иностранным языкам в Германии.

Отмечает он и ожесточенность, с которой англичанам приходится бороться «за место под солнцем», чтобы достичь определенного положения и благополучия. Но все же, при всех недостатках в английской системе, Джером полагает, что в Германии жизнь людей слишком регламентирована государством. Это претит натуре и менталитету англичан, в культуре которых превалирует индивидуальность, а не массовость. Англичане хотят сами устраивать свою жизнь, даже, если они и могут ошибиться. Немцы же, по мнению Джерома, предпочитали полагаться во всем на государственные институты.

Вместе с тем в произведении Джерома нет высокомерия или язвительных ноток, лишь добродушная ирония. Ему искренне нравится Германия, ее народ, нравится демократизм немецкого общества, если не считать военной аристократии, державшейся особняком.

Все эти нюансы были, конечно, непонятны Магомеду Кушиеву, ведь он видел в основном внешнюю, казовую сторону жизни в Германии. Об особенностях их национального характера, исторических реалиях и прочем, о чем задумывался Джером, он не помышлял, ведь он и языка-то не знал, не говоря уже об ином. Но главное, конечно, в том, что по сравнению с Россией, а тем более Дагестаном, жизнь в Германии была намного выше как по качеству, так и по уровню. Поэтому мы не можем судить строго те впечатления о Германии,

которые Магомед Кушиев откровенно изложил в своих воспоминаниях. Ведь жизнь в России, Дагестане была не менее регламентированной, но общее положение людей, их жизнь была несравнимо более скудной и бедной. Для человека, приехавшего из России, Германия показалась Кушиеву образцом всех форм жизни, кроме разве что религиозной, да и здесь отношение к иноверцам опять же было куда более терпимым, толерантным, чем в России того же периода. И отнюдь не только к мусульманам, но и к собственным протестантам от православия, католикам и другим конфессиям в России было весьма суровое отношение.

Если же сопоставить записки европейских путешественников о России с сочинением Кушиева, то стоит вспомнить замечательную книгу о путешествии в Россию маркиза де Кюстина «Россия в 1839 году». Пробыв в России лишь два месяца, Кюстин многое смог увидеть и понять. О записках Кюстина необычайно высоко отозвался А. И. Герцен в своем дневнике: «Без сомнения, это самая занимательная и умная книга, написанная о России иностранцем. Есть ошибки, много поверхностного, но есть истинный талант путешественника, наблюдателя, глубокий взгляд, умеющий ловить на лету, умеющий по нескольким образцам догадаться о массе» [1, с. 11].

В своих записках Кюстин прекрасно передает атмосферу страха и гнета, которую он почувствовал в России эпохи Николая I. Он же отмечает опять же ту роковую для России тенденцию, ставшую уже традицией – небрежение к человеческой жизни, примата государства над личностью. Он выделяет эту особенность в современной ему России, как и в исторической хронике – ознакомившись с трудами российских историков, прежде всего, Н. М. Карамзина и его «Историей государства Российского». Тенденция эта проявляется не только в военное время, но и в мирное – строительство Санкт-Петербурга, начавшееся как при Петре I, так и продолжающееся при Николае I (речь идет о дворцах императорской фамилии) уносит множество человеческих жизней, так как происходит в невероятно суровых условиях и максимально короткие сроки – восстановление Зимнего дворца после пожара заняло год. Кюстин заметил, что гуманность могла бы побудить российского императора продлить восстановление дворца еще на год [4, с. 125].

Можно также отметить замечание Кюстина о том, что «абсолютному монарху не пристало говорить, что он торопится: в первую голову ему следует опасаться усердия своих подданных, готовых по слову повелителя бросить в смертный бой целую армию рабов» [4, с. 125].

Здесь мы видим аналогию с записками М. Кушиева, в которых автор передает перипетии русско-турецкой войны – можно увидеть ту же тенденцию, о которой упоминал еще А. де Кюстин в своей книге. Многие сражения в войне 1877–1878 годов, выигранные российской армией, достигались потерей огромного числа человеческих жизней и жесточайших методов ведения военных действий [3, с. 67]. Уже тогда широко применялась в российской армии практика использования заградотрядов, когда массу солдат силой гнали на верную и бессмысленную гибель.

К тому же, вероятно, в дальнейшем, уже после революции в России, переезда в Турцию, дальнейших исторических катаклизмов: ведь Турция была союзницей Германии, там развивались сходные исторические процессы, Кушиев, возможно, многое оценивал уже иначе. Судить об этом сложно, так как о жизни Кушиева в Турции нам мало известно.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что в сочинении Магомеда Кушиева есть важный и очень тревожный посыл в будущее, многие его мысли и наблюдения, а также взгляд на известные исторические события, в частности, русско-турецкую войну 1877–1878 годов поданы в несколько ином, не традиционном для нас ракурсе. Мы можем отметить также, что его сочинение уже тогда предвосхищало грядущие испытания в Европе, России и мире.

Возвращаясь к воспоминаниям Кушиева, отметим, что, несмотря на деловой характер его поездок, мы видим, что автор сохраняет живость и непосредственность своей природы, что и ощущается в его наблюдениях. В характере Кушиева, несмотря на род его занятий и суровость его воспитания, еще также немало детского. Это заметно, когда он посещает в Европе

колесо обозрения, где его поначалу испугала высота колеса. Характерно, что сесть в колесо обозрения он решился, заметив, что в его кабинки без страха и со смехом садятся юные венцы, именно это рассеяло его опасения, после чего он тоже решился покататься на колесе: «Там одного с помощью пальцев спросил: почему люди входят в эти кабинки? Он объяснил, чтобы сверху обозревать город. Купил билет и приблизился к колесу, а когда посмотрел в небеса и понял, как высоко колесо поднимает людей, испугался и отошел назад. Но когда увидел, как девочки и мальчики со смехом вошли в одну из этих кабин, набрался храбрости. Вид с колеса также поразил Кушиева: «Город показался, словно как на ладони... Все улицы города смотрелись сверху четко, как дома, так и машины» [3, с. 77–78].

Далее Кушиев описывает посещение аквариума: «Подумал, что здесь музей, а оказалось совсем другое: посреди большой залы сооружение из стекла, наполненное водой, в которой плавали все виды морских животных» [3, с. 78].

В то же время ощущается, что Кушиев, переживая все эти новые и яркие впечатления, вместе с тем испытывал чувство одиночества в огромном европейском городе, усугубляемом незнанием языка и неудачами в делах. Ему не всегда удавалось получить доступ ко дворам европейских монархов и преподнести им свои изделия. Он тяготился также непомерными для него дорожными расходами, да и сама жизнь в Европе и в Турции – проживание и питание были для автора неподъемны по его заработкам. Он возвращается в Россию, получив все же заказ от царя Сербии, как пишет Кушиев, хотя в Сербии правили великие князья, Сербия была частью империи Габсбургов.

Возвратившись в Россию, Кушиев посещает резиденции российской императорской фамилии в Петербурге, а также в Крыму и в Москве. Описывая поездку в Крым, Кушиев приводит любопытный эпизод, характеризующий его личностные качества.

В Крым Кушиев поехал с напарником, помогавшим ему в работе. Отношение автора к своему напарнику свидетельствует о уважении Кушиева к тем, кто, как и он, нелегким трудом зарабатывает себе на жизнь: «Вернулся в канцелярию, чтобы и с напарником – лудильщиком вернуться в Ялту. А там столкнулся с толпой зевак из солдат охраны. Они окружили Шаьвана и с хохотом рассматривали его почерневшие от кислоты и нагрева от посуды руки с полопавшейся кожей. Вдобавок, все его руки оказались в бородавках. Зрелище, понятно, не из приятных, но он этими руками добывал хлеб, а не воровал его.

– Разве мог он с такими руками сделать столь изящные вещи? – спрашивал один из них.

– А почему бы и нет, – отвечал другой.

Мне стало как-то неловко из-за того, что взял такого с собой, но с другой стороны, что же тут зазорного!» [3, с. 31].

Этот отрывок свидетельствует о наличии у Кушиева немалой доли здравого смысла и порядочности, не позволяющей ему презирать товарища за искалеченные тяжелым трудом руки, хотя и не избавившие его от чувства неловкости от того, что его товарищ был не ко двору в роскошной императорской резиденции [3, с. 31].

Несмотря на этот досадный эпизод, Кушиев в своих воспоминаниях все же отдает должное чарующей природе Крыма, отметив также, что поездка была вполне удачной, так как он умел добиться признания своего мастерства от представителей императорской фамилии и получил соответствующее вознаграждение.

Здесь мы, как и в Закавказье и Европе, видим живой интерес Кушиева к новым впечатлениям, умение находить выход из трудных ситуаций и благодаря своему таланту и способностям, добиваться признания и даже восхищения своим мастерством [3, с. 18].

Записки Кушиева обрываются, они не закончены. Завершаются его записки сообщением Кушиева о том, что во время поездки в Москву в конце 1902 г. автор договаривается с адъютантом великого князя о встрече. Нам неизвестно чем обернулась для Кушиева эта договоренность, но интригует сам объект деловых переговоров на последних страницах его воспоминаний. Великий князь Сергей Александрович, дядя последнего российского импера-

тора Николая II, был убит вследствие разрыва бомбы, брошенной эсером Каляевым в конце 1904 года, в преддверии первой русской революции 1905 года. Эти события, вообще вся атмосфера ожидания грядущих социальных катаклизмов, несомненно, создает особую атмосферу в книге Кушиева.

К сожалению, как уже упоминалось, воспоминания М. Г. Кушиева обрываются на полуслове. О последующей его жизни также очень мало фактов. Известно лишь, что после революции он был арестован Кумухским ревкомом, ему удалось бежать в Турцию, туда же он смог выписать также жену и дочерей.

Стиль воспоминаний Кушиева, к сожалению, не всегда можно уловить, ведь его перевели как бы дважды – с аджама на современный лакский, а затем на русский язык. К тому же переводили непрофессиональные переводчики, и главное, их было двое.

Несмотря на перевод, все же ощущается стиль оригинала – так, автор приводит народное выражение: «Бежать бы отсюда, от этих невезений, замешанных на кукурузной муке» [3, с. 8]. Или, например, еще образец стиля этих воспоминаний: «Вообще, в эту зиму я столько повидал, пережил неприятностей, что если описывать все, не хватит чернил и бумаги, а у того, кто станет читать, зубы повыпадают» [3, с. 7]. Или, например, выражение «искать счастья», «идти за счастьем» [3, с. 7].

Очевидно, что стиль воспоминаний Кушиева имеет явный фольклорный налет, влияние народного языка ощущается как в стиле, так и в содержании. Сюжет мальчика, отданного в учение, и претерпевающего на этом поприще множество невзгод и приключений, имеет множество вариантов в сказочных сюжетах многих народов Дагестана, а также в европейском и восточном фольклоре.

Записки Магомеда Кушиева не автобиография, это скорее воспоминания, перемежающиеся с описанием его путешествий.

Важной особенностью воспоминаний Кушиева является то, что он очень кратко и сдержанно пишет о своей семейной жизни и своих близких.

Так, в одной из последних глав Кушиев пишет о своей женитьбе на некой девушке. Пишет он об этом лаконично и сдержанно, упомянув лишь о препятствиях со стороны родни невесты, недовольной его неученостью.

Есть еще упоминания об отце и братьях, но также очень краткие и сдержанные. Видимо, в этом проявлялась натура Кушиева.

Но основным стержнем этих записок и путевых заметок является его мастерство, творчество, работа. Он нередко оказывает помощь нуждающимся, преподносит свои изделия в дар, но цену себе как мастеру знает и требует справедливой платы за свою работу. Помимо основной своей работы он как мог помогал односельчанам, когда жил дома: «В этом году поработал я на славу: помимо основной своей задумки, выполнил немало заказов односельчан, отремонтировал, причем бесплатно, много их часов, пусть это будет мой садакья (жертвоприношение. – Прим. переводчика)» [3, с. 44].

В то же время, когда во время европейских путешествий в Румынии изделия Кушиева оценили очень низко по его представлениям, он категорически отказался от несправедливой оплаты: «Это очень бедная страна, за шашку могут дать в лучшем случае 20–30 туманов (200–300 рублей. – З. И.). Я же не только за такие деньги, но и за 50–60 туманов не отдал бы ее» [3, с. 62].

М. Кушиев в своих воспоминаниях создает, прежде всего, портрет самого себя. Перед нами предстает человек талантливый, незаурядный, в котором есть нечто от пикаро или плута европейских плутовских романов, но в то же время он верующий мусульманин, хотя и плохо постигший все премудрости Корана и арабской грамоты в силу озорства и недостатка прилежания. Все же автор полагает, что его искренняя и истовая вера, хотя и не подкрепленная знаниями теологических постулатов, дает ему надежду на милосердие и покровительство Всевышнего.

М. Кушиев также признается, что, хотя соблазн легкой наживы не раз уводил его с верного пути, но искренняя набожность и лучшая сторона его натуры неизменно возвращали его на правильный путь.

Сама жизнь автора мемуаров, воссозданная им в записках, напоминает не только страницы европейского плутовского авантюрного романа, где герой претерпевает разные испытания и приключения, но как уже упоминалось выше и героя сказок, причем как дагестанских, так и европейских, а также восточных. Так, например, в английской народной сказке «Ученик чародея» герой также учится искусству преображать металлы и другие вещества [10, с. 41]. Есть также и итальянская сказка «Что важнее» об ученике скульптура.

С этой амбивалентностью личности автора связана в воспоминаниях и проблема пространственно-временных категорий, которая постоянно преломляется и испытывает как взаимовлияние, так и отторжение. Например, время – в записках Кушиева постоянно присутствуют два типа летоисчисления – мусульманское и европейское. Сам он тяготеет к мусульманскому, оно явно доминирует в его воспоминаниях, но присутствует и европейское. Впрочем, возможно, оно было внесено позже, его переводчиками, для большей точности. Но во всяком случае, европейское летоисчисление также присутствует в книге.

На наш взгляд, это свидетельствует о приверженности автора прежде всего к мусульманской культуре, хотя, очевидно, что европейская культура не чужда автору и вызывает у него определенный интерес. Напомним, с каким искренним восхищением писал Кушиев о красоте Грузии, ее природы и древних городов. Европейские города также поразили его величием архитектуры и общей организацией всей жизни.

Отметим также, что ориентация на определенное летоисчисление – в данном случае, мусульманское, немаловажный фактор, характеризующий тип культуры человека. В воспоминаниях русских эмигрантов, например, заметна их ориентация на старое русское летоисчисление.

Сложность пространственно-временной парадигмы в воспоминаниях Кушиева обусловлена также сложностью жанровой природы его произведения. Сочинение его является одновременно воспоминаниями, описанием путешествия, мемуарами, так как автор описывает не только свою личную жизнь и своих знакомых, но и пишет о важных исторических реалиях и персонах, с которыми он так или иначе сталкивался.

В заключение хотелось бы отметить, что произведение написано не только живым образным языком, но и воссоздает для нас прежде всего портрет самого автора, человека незаурядного, творческого, способного воспринять новое, необычное и осмыслить его.

Именно поэтому так интересен и ценен взгляд Магомеда Кушиева, человека талантливого и незаурядного, верующего мусульманина, соблюдающего все каноны своей веры, но, с другой стороны, человека открытого всему миру, пытливого и любознательного. Хотелось бы, чтобы книга воспоминаний Магомеда Кушиева, те ценные и важные мысли о войне, ее жестокости, ценности человеческой жизни и красоте нашего мира со всем его многообразием и трагическими противоречиями дошли до читателей и побудили их задуматься.

В воспоминаниях Кушиева его наблюдения трагически перекликаются и с общей тенденцией мировой истории, и с историей второй мировой войны, в частности, об отношении к человеческой жизни, методам ведения войны и противостоящие этому наблюдения о способности людей из разных культур и цивилизаций жить и работать вместе, а также понимать друг друга.

Таким образом «Воспоминания о пережитом» Магомеда Кушиева останутся в истории дагестанской литературы не только потому, что это сочинение одного из немногих дагестанских мастеров-оружейников, оставивших свои воспоминания. Как нам представляется, воспоминания Кушиева имеют не только культурно-историческую, но и немалую литературную ценность. Помимо этого, ценность книги Кушиева для нашего времени в том, что эти воспоминания позволяют нам увидеть Дагестан, Закавказье, Россию, а также Европу и Турцию глазами дагестанца того времени, через восприятие его взглядов и представлений о мире.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Герцен А. И.* Дневники // Герцен А. И. Собр. соч. М.: Художественная литература, 1958. Т. II. 728 с.
2. *Джером К. Джером.* Трое на велосипеде // Джером К. Джером. Собр. соч.: в 3 т. СПб.: Невская рекламно-издательская компания, 1992. Т. I. 512 с.
3. *Кушиев М. Г.* Воспоминания о пережитом // Новолуние (Цубарз). Махачкала, 2005. № 2–11. На лак. яз.
4. *Кюстин А.* Россия в 1839 году: в 2 т. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1996. Т. I. 528 с.
5. *Мусаясул Х.* В стране последних рыцарей. Махачкала, 2003. 309 с.
6. *Рустамов Г.* Книга о моем театре. М., 1983. 176 с.
7. *Сутаева З. Р.* Мемуарно-биографическая литература Дагестана XIX–XX веков. Махачкала, 2015. 216 с.
8. *Теннисон А.* Стихотворения и поэмы / пер. Г. Кружкова. М., 1972. 243 с.
9. *Толстой Л. Н.* Казаки. Хаджи-Мурат. М.: Художественная литература, 1981. 304 с.
10. Ученик чародея. Английские народные сказки. М., 1993. 286 с.

Поступила в редакцию
17. 09. 2020.

Исмаилова Зарема Рамазановна, кандидат филологических наук, научный сотрудник Института языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы ДФИЦ РАН;
e-mail: iyalidnc@mail.ru

Ismailova Zarema Ramazanovna, Candidate of Philology, research worker, the G. Tsadasa Institute of Language, Literature and Art, DFRC of RAS;
e-mail: iyalidnc@mail.ru